

Зелено
научна

**ЕВГЕНИЙ
ЛЕОНОВ**

Письма сыну

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Дизайн серии и обложки *Андрея Фереца*

Предисловие *Андрея Леонова*

Фото на переплете РИА Новости
(предоставлено ФГУП МИА «Россия сегодня»)

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива семьи Леоновых, Киноконцерна «Мосфильм», РИА Новости, Кинокомпании «ОДА-Фильм», а также работы фотографов Александра Стернина и Владимира Осиченко

Леонов, Евгений Павлович

Л47 Письма сыну / Евгений Леонов; лит. запись, очерк Н.Х. Исмаиловой. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 288 с.; ил. — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-166595-1

При упоминании имени Евгения Леонова перед глазами сразу возникает его доброе лицо и вспоминаются герои из фильмов «Полосатый рейс», «Белорусский вокзал», «Старший сын», «Обыкновенное чудо», «Кин-дза-дза» и других. Евгений Павлович дарил зрителям свою теплоту, сердечность, позитивную энергию, добрый, душевный юмор, а в жизни был человеком задумчивым, склонным к самоанализу. В этой книге он рассказывает о себе, своей работе, друзьях и коллегах и делится собственным отцовским опытом. Его искрящиеся юмором, добротой, мудростью «Письма к сыну» помогают воспитывать детей достойными людьми.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-166595-1

© Е.П. Леонов (наследники), 2026

© Н.Х. Исмаилова, литературная запись, очерк, 2026

© А.Е. Леонов, предисловие, 2026

© РИА Новости

© Киноконцерн «Мосфильм» (кадры из фильмов)

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Письмо отцу

Не знаю, с чего начать. Может, с того, что я с детства стеснялся быть твоим сыном? Стоило нам пойти в магазин или на рынок, как тебя тут же обступали люди, — и от этого становилось ужасно неловко, начинало казаться, что я — не Я, не сам по себе, а приложение к тебе — «сын Леонова».

В школе я учился не бог весть как, до шестого класса играл под партой в машинки или солдатики. А вообще любил болеть, оставаться дома и читать книги... Из-за моих двоек тебя часто вызывали. Конечно, ты ссылался на занятость, нередко перекладывал эту тяжелую обязанность на мамины плечи, но иногда всё же приходил. Очень нервничал! Сутулился, краснел, бледнел, виновато вздыхал... А тебя отчитывали, говорили: «Из вашего балбеса ничего не получится. Пусть заканчивает восемь классов и учится на

водителя автобуса». И мне, подглядывающему из-за двери, было очень плохо. Потом мы молча шли домой, несколько дней ты дулся и со мной не разговаривал. Ты редко ругался, и всё как-то театрально, не по-настоящему, без злости. Но однажды за очередную двойку решил-таки меня наказать: «Отведу тебя в лес, в лесной интернат». (Я так никогда и не узнал, что это такое.) Собрал мои вещички, взял за руку и повел. Но характера у тебя хватило только до первого этажа. Мама не раз и подзатыльники мне давала, и в угол ставила, а ты не мог.

Ты был очень спокойным и мягким человеком. То и дело старался всех примирить. Заботился не только о нас с мамой. Постоянно за кого-то просил, кому-то помогал. Такой Винни-Пух — хлопотун.

За другого ты мог бороться, а за себя — никогда. Когда тебя обижали, ты уходил. В театре Станиславского, где ты проработал более двадцати лет, ты

был секретарем партбюро театра. Когда возникали конфликтные ситуации, а в театре, к сожалению, это бывает, ты всегда стоял на стороне товарища, а однажды, почувствовав свою беспомощность, бросил пиджак на пол, стал его топтать и кричать. Конечно, ты отстаивал справедливость, но вскоре и за твоей спиной начались интриги. В это время ты получил приглашение в театр Маяковского, где художественным руководителем был твой учитель Андрей Александрович Гончаров, и ушел из труппы. Ушел, но продолжал играть в спектаклях, а вскоре узнал, что бывшие коллеги говорят: «Зачем нам Леонов, у нас что, своих артистов нет?»

Еще через четыре года, не стерпев обиды, ты ушел из театра Маяковского. История почти смешная: напротив нашего дома открылся большой рыбный магазин, и там снимали рекламу. Только ты вошел, продавщицы бросились к тебе: «Ой, Евгений Павлович, милень-

кий, помогите!» Когда рекламу рыбы нототении показали по телевидению, режиссер при всей труппе сказал: «Видно, костлявая рука голода совсем задушила народного артиста, может, пустим шапку по кругу...» Такого ты простить не мог и перешел к Марку Захарову.

Зато народ тебя боготворил! Помню, накануне Нового года вышел фильм «О бедном гусаре замолвите слово», в котором твоего героя убивают. И пришло письмо из Ленинграда: «Доложите своему начальству, что оно испортило застолье всему советскому народу. Как оно могло в такой день направить ружье на нашего любимого актера?!»

Тебе частенько приходилось уезжать на гастроли, на съемки. Мы с мамой, оставаясь дома, каждый раз так ждали твоего возвращения! Однажды я так заигрался, что, когда ты приехал, в твою сторону лишь рассеянно кивнул. Ты положил передо мной какие-то свертки: «Это тебе, сынок», — и ушел на кухню.

Только потом я понял, как ты огорчился. Но ты меня не винил, решил, что сам виноват: слишком мало времени уделяешь сыну...

Мама всегда замечательно готовила, накрывала большущий стол. А ты, щедро хлебосольный, тащил в дом огромные сумки с продуктами. И на мамино ворчание: «Куда столько, ведь всё пропадет!» — весело отвечал: «Не пропадет — позовем гостей!»

О, я помню каждый наш Новый год!.. Ты обязательно приносил живую елку — считал, что в доме должно пахнуть лесом, иначе какой праздник. И вот стоит среди комнаты зеленая красавица, вокруг мы, ребятня, с разноцветными стеклянными шарами, с бумажными гирляндами, а на столе — чудесный мамин торт и гора мандаринов. Тридцать первого декабря ты устраивал с нами, детворой, спектакль. Помню, мне лет пять, разыгрываем «Три поросенка». Ты — волк (твое знаменитое «р-р-р-р!» в «Джентль-

менах удачи» именно с наших детских утренников и пошло). И вот — сказка движется к финалу: волк сломал домик Ниф-Нифа, Нуф-Нуфа и подбирается ко мне, Наф-Нафу. Я дрожу под журнальным столиком, но в полной уверенности, что тебе, совсем не худенькому, ко мне под стол не забраться. А ты вдруг встал на четвереньки и начал протискиваться между витых ножек. Тогда я выскочил из своего убежища, а ты смешно застрял под столом. До сих пор вижу: стоишь на четвереньках — то ли волк, то ли огромная черепаха с «панцирем» на спине, — и глаза твои счастливо, по-доброму смеются.

Тебе всегда хотелось устроить нам праздник. Наверно, потому что твое детство и юность пришлись на очень трудное время. Тебе не исполнилось еще и пятнадцати лет, когда началась война. Юность была голодной и тревожной, ты работал учеником токаря на заводе наравне со взрослыми — по четырнадцать часов в сутки. Но уже тогда мечтал

о театре! С пятого класса ты занимался в драматическом кружке. Вы с ребятами сами сочинили водевиль, сами его поставили — ты рас сказывал, что тебе тогда очень нравилось строить разные гримасы, смешить окружающих. Но, увы, война вынудила тебя пойти по стопам отца и старшего брата и поступить в авиационный техникум. К театру ты вернулся лишь через несколько лет...

Мама говорит, ты всегда был скромным и стеснительным. С нею познакомился, когда тебе уже шел тридцать второй год. Ваш театр — в то время ты играл в театре Станиславского — приехал на гастроли в Свердловск, ты с другом пошел прогуляться по городу. И познакомились со студентками музыкально-педагогического училища. У одной из них было необычное, редкое и красивое имя — Ванда. Ты пригласил ее на спектакль. А после спектакля вы бродили по ночному городу, ты декламировал Блока, Есенина и за те три дня, пока театр

был в Свердловске, покорило сердце девушки. Хотя родители ее были против вашего брака (чего ждать от артиста!), Ванда проявила характер и вскоре навсегда переехала к тебе в Москву.

В 1959 году, когда появился на свет я, ты был в Ленинграде, на съемках «Полосатого рейса», где впервые в истории отечественного кино бегал перед зрителями голым; о моем рождении тебе сообщили как раз перед съемкой этого эпизода. Ты так обрадовался, что полез целоваться к тиграм.

Но тигров ты, конечно, боялся. Еще бы! Ведь когда на съемках ради безопасности тебя с поросенком посадили в клетку и велели колоть его вилкой, чтобы визжал, тигры чуть не разворотили клетку и едва не задели тебя своими когтями. Представляю, чего ты натерпелся...

Фильм принес тебе сумасшедшую славу. После «Полосатого рейса» тебя просто «рвали на части».

Ты всегда любил комедию и хотел играть в веселых фильмах и спектаклях. Говорил: «Интересную драму я предпочту плохой комедии. Но хорошей комедии буду верен всю жизнь». Ты часто играл комические роли, над которыми хохотали до слез, а в реальной жизни был человеком задумчивым, сосредоточенным, серьезным. Сколько раз я наблюдал, как ты работал с текстом. Оказалось, что на девяносто процентов работа актера — это работа дома. На моих глазах родилась не одна твоя роль — из воспоминаний, где-то подсмотренных деталей, подслушанных фраз... Потом, на репетициях, что-то отпадало, что-то обретало иные очертания, но ты был убежден: актеру важно сначала самому разобраться в роли.

Ты был для меня яркой личностью прежде всего, как отец, а понимание того, что ты великий артист, пришло намного позже, когда я поступил в Щукинское училище и увидел, как относились

к тебе в профессиональной среде. Когда у меня возникали проблемы, я всегда советовался с тобой. Мы обсуждали и какие-то рабочие моменты, и личные. Но не всегда получалось поговорить свободно и спокойно: не хватало времени, ты уезжал на гастроли, мы подолгу не виделись... Да и просто о чем-то говорить было у нас не принято, каких-то вещей стеснялся я, каких-то — ты. Только после твоего ухода я понял, что мы, хоть и были внутренне близки, так и не наговорились.

Знаешь, какое самое важное качество я взял от тебя в профессию? Умение ждать, терпеть. Ты не раз говорил: «Рано или поздно это произойдет — тебя пригласят на ту роль, о которой мечтаешь. Другое дело, сумеешь ли ты ее взять. Представь, придут к тебе и скажут: у нас заболел исполнитель роли Гамлета, сыграй! — а ты уже перегорел, уже не чувствуешь себя внутренне готовым. Случай подвернулся, а ты не можешь... Так вот, надо уметь дожидаться».

Сам ты был человеком терпеливым и неторопливым. Мы часто ездили к бабушке в Белгород и вместо одного дня тратили на дорогу три. Мама говорила: «Евгеша, что же мы так долго едем?» А ты отвечал: «Мы же никуда не торопимся, просто гуляем». Ты считал, что жизнью надо наслаждаться не спеша.

Ты никогда не отказывал мне в помощи, давал дельные советы, но не присваивал право принимать за меня решение. Любил говорить: «Ты можешь подвести лошадь к водопою, но пить она должна сама». В детстве меня увлекала техника, и я не проявлял интереса к театру, а ты не настаивал и меня по «закулисам» не таскал. Даже математикой со мной занимался твой брат — дядя Коля. Вы с мамой купили мне пианино, но занятия музыкой не увлекли меня, и в конце концов я расстрелял инструмент из самодельного лука (до сих пор он со следами «побоев» стоит на нашей даче как вечный укор совести). Ты учил меня, со-